

**Альберт Захарович Манфред**

## **О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ И НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

**Французский ежегодник 1976**

**М.: Наука. 1978. С.171-179**

В истории есть события, навсегда сохраняющиеся в памяти человечества. Большей частью это крупные, переломные рубежи, революционные взрывы громадной динамической силы, знаменующие смену эпох; они оказывают большое, длительное влияние на последующее развитие общества. К числу таких переломных исторических событий относится и Французская революция XVIII в.

Все поступательное движение следующего столетия шло под знаком этой революции. Для передовых людей XIX в. 1789, 1793 годы продолжали выситься величественными вершинами; по ним они проверяли складываемые ими пути. Виктор Гюго и Джордж Байрон, Генрих Гейне и Александр Герцен в стихах и прозе славили это грозное и великое время.

Они видели противоречивость, сложность процесса революции, но это их не пугало. Герцен писал: «Землетрясение французской революции шло вершинами и пропастями, великим и страшным, победами и террором, частными обрывами и потрясениями...»<sup>1</sup>, но эти контрасты и противопоставления не заслоняли от него исторического величия того незабываемого времени.

Байрон в дневнике 23 и 24 ноября 1813 г. признавался, что он хотел бы быть похожим на Мирабо и Сент-Жюста, и объяснял почему: то были люди дела, люди действия, а не слов. «Действия, действия — говорю я — а не сочинительство, особенно в стихах»<sup>2</sup>. Эти мысли наедине с собою великого английского поэта, как и его творчество, и его смерть в Миссолунгах в борьбе за освобождение Греции, показывают, что лучших, передовых людей той эпохи привлекали во Французской революции прежде всего ее могучая действенная сила, первенство действия над словом.

Можно было бы привести еще десятки и сотни сходных примеров, но это увело бы нас в сторону и в этом нет надобности. Важно было лишь напомнить, что современники революции или ближайшие к ней поколения, люди, шедшие в авангарде общественного развития, отдавая полностью себе отчет во всех противоречиях революции, ценили ее исторический опыт чрезвычайно высоко, подчеркивая в первую очередь ее волю и способность к действию. Мы к этому позже вернемся.

С тех пор прошло почти двести лет. В уже близком будущем, через десяток с небольшим лет, мир будет отмечать двухвековой юбилей Французской революции.

Казалось бы, о чем еще спорить? Что еще изучать? Страсти, когда-то волновавшие и разделявшие участников и современников революционных событий, а позже их сторонников и противников, давным давно перегорели и остыли; от них остался лишь пепел. За минувшие два столетия мир подвергся таким величайшим изменениям во всех сферах, что ныне

---

Доклад, прочитанный на советско-французской конференции историков 22 мая 1976 г.

<sup>1</sup> Герцен А. И. Соч., т. 7. М., 1958, с. 511.

<sup>2</sup> Байрон. Дневники. Письма. М., 1965, с. 58, 61.

время двуконных почтовых дилижансов, гусиных перьев и измеряемого мощью голоса ораторского дара Мирабо представляется нам — людям конца XX в. — почти такой же седой стариной, как далекие эпохи античной Греции или Древнего Рима.

К тому же, за эти долгие годы Французская революция XVIII в. была изучена историками столь тщательно и детально, о ней было написано столько исследований и книг (и не только во Франции, но и во многих других странах), было опубликовано столько документальных материалов, учеными было переворочено столько папок и досье архивных документов в Национальном архиве Франции и местных архивах, что казалось бы, о каких нерешенных вопросах может идти еще речь?

Все это так. И вместе с тем эта тема, оставаясь и ныне классической для мировой историографии, привлекает внимание историков, вызывает споры и дискуссии, приковывает некоторыми своими проблемами интерес широких общественных кругов.

В рамках ограниченного временем доклада я, естественно, не могу остановиться на всех вопросах, подлежащих, на мой взгляд, обсуждению, и сопоставить разные точки зрения. Придется ограничиться лишь некоторыми, надеясь, что последующая дискуссия расширит круг обсуждаемых вопросов.

Начнем с того, что бросается ранее всего в глаза. Речь идет о том, как именовать тему, которую мы сегодня обсуждаем на нашем франко-советском коллоквиуме историков.

Нетрудно заметить, что между названием моего доклада и названием той же темы в определении некоторых французских историков есть различие. С первого взгляда может показаться, что речь идет о пустяках. Советский историк говорит «Великая французская революция», а современные французские историки говорят «Французская революция» или иногда просто «Революция». Стоит ли спорить о словах?

Я думаю, что стоит.

Не будем углубляться в вопросы семантики. Попробуем рассмотреть этот частный на первый взгляд вопрос по существу. Чтобы не быть голословным, я приведу лишь один конкретный пример, хотя, имея в виду специальную литературу последних двадцати лет, их можно было бы привести множество<sup>3</sup>.

Я сошлюсь на работы одного из самых крупных современных знатоков истории Французской революции, профессора Жака Годшо. Я отношусь с глубоким уважением к профессору Годшо, многократному участнику наших совместных коллоквиумов, личный вклад которого в развитие научного сотрудничества историков наших двух стран мы все высоко ценим. Профессор Годшо — автор многих работ по истории Революции XVIII в. Такие его труды, как «Комиссары Директории», как «Взятие Бастилии»<sup>4</sup>, являются образцовыми и пользуются заслуженным признанием специалистов. Но речь пойдет не о них.

Не буду касаться также вызвавших в свое время оживленную полемику в научной печати его старых работ: «История Атлантики» и его доклада об атлантической революции, прочитанного совместно с профессором Робертом Палмером на Римском международном конгрессе историков<sup>5</sup>. Мне приходилось по этим вопросам высказываться, и я не хотел бы к этому возвращаться.

Но, помимо других работ, профессор Жак Годшо является также автором книги, вышедшей в известной серии «Nouvelle Clio». Вместо вышед-

<sup>3</sup> См.: Grab W. Die Debatte um die Französische Revolution. München, 1975.

<sup>4</sup> Godechot Jacques. Les commissaires aux armées sous le Directoire, t. 1—2. Paris, 1937; Idem. La prise de la Bastille. Paris, 1965.

<sup>5</sup> Godechot Jacques. Histoire de l'Atlantique. Paris, 1947; Godechot J., Palmer R.-R. Le problème de l'Atlantique du XVIII<sup>e</sup> siècle au XX<sup>e</sup> siècle.— In: X Congresso internazionale di scienze storiche, Relazioni, t. V. Florence, 1955.

шей ранее работы «Французская революция XVIII в.» проф. Годшо опубликовал новую книгу на ту же тему, в которой старое, всему миру известное название было стерто с обложки и заменено новым обезличенным термином «Революции».

В предисловии к книге Жак Годшо пишет, что он сознательно назвал ее не «Французская революция» и не «Французская революция и Европа», а просто «Революции». В самом тексте книги он разъясняет, что изменение названия связано с иной, новой трактовкой этой темы: Французскую революцию надо рассматривать не как частный феномен, не изолированно, в рамках национальной истории, а лишь как эпизод, правда значительный, одной великой революции западного мира, начало которой датируется 1770 г., а завершение — серединой XIX в.<sup>6</sup>

Я позволил себе привести этот конкретный пример по двум мотивам: во-первых, имя профессора Годшо, крупнейшего специалиста по проблемам истории Французской революции, авторитетно и пользуется заслуженным уважением и, следовательно, исключает элемент случайности; во-вторых, в этой работе пересмотр, так сказать, глобальной оценки Французской революции XVIII в. доведен до крайней степени: ей не только отказано в историческом величии, но она потеряла и свои национальные цвета. Вместо привычного людям старшего поколения со школьных лет традиционного названия «Великая французская революция» нам предлагают подвергшийся исторической девальвации термин, в котором исчезает и определение «великая» и даже «французская», а остается просто — «революции».

К слову сказать, вслед за проф. Годшо то же самое название, только не в множественном, а единственном числе, повторяют Франсуа Фюре и Дени Рише в своей последней двухтомной работе на ту же самую тему<sup>7</sup>.

Возможно, возникает смутное ощущение какой-то неловкости сложившейся ситуации. Здесь, во Франции, на французской земле, в старинном городе Дижоне советский историк из Москвы оспаривает мнение французских историков по вопросам истории Французской революции. Кому, как не французским историкам, лучше знать, чем была Французская революция?

Если такое настроение, даже подсознательно, существует, то мне хотелось бы сказать следующее. Прежде всего, здесь никто никому не навязывает своих мнений; мы ведем свободную научную дискуссию, и в этом, я думаю, смысл наших встреч; в сопоставлении различных мнений специалистов мы стремимся продвинуть вперед научное познание рассматриваемого вопроса. К этому остается добавить, что Французская революция XVIII в. является таким крупным событием мировой истории, по которому историки любой страны могут и даже должны иметь свое мнение.

Но вернемся к существу спора. Так чем же были революционные события конца XVIII в. — Великой французской революцией, Французской революцией или просто революцией, как утверждает Жак Годшо и вместе с ним Ф. Фюре и Д. Рише?

Не подделжит сомнению, что вопросы эти имеют вполне определенный политический аспект, но попробуем от него, в пределах возможного, абстрагироваться.

Рискуя показаться в глазах некоторых моих французских коллег консервативным или старомодным историком, я тем не менее с убежденностью готов отстаивать старое классическое определение: Великая французская революция; вернее, то содержание, которое связывается с этим наименованием, ибо, как я надеюсь, всем понятно, что речь идет не о словах, не об обязательной и неизменной этикетке, а о понятии, об опреде-

<sup>6</sup> *Godschot J. Les révolutions. Paris, 1963, p. 2—114.*

<sup>7</sup> *Furet F., Richet D. La Révolution. Paris, 1965—1966, t. I—II.*

лении исторического места Французской революции XVIII в. в развитии всемирно-исторического процесса.

Уровень, достигнутый современной исторической наукой, требует от нас теперь решения проблем типологии вообще и типологии буржуазных революций в частности.

Мы все, по-видимому, сходимся на том, что Французская революция XVIII в. была буржуазной революцией. Но достаточно ли этого, чтобы определить ее место во всемирно-историческом процессе? Ведь и Июльская революция 1830 г. также была буржуазной революцией, и Февральская революция 1848 г. тоже была буржуазной, как и революция сентября 1870 г. Но можно ли поставить между этими революциями знак равенства? По своей типологии укладываются ли они в одно общее определение буржуазной революции? Можно ли их свести к одному общему типу революции?

В свое время К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Жан Жорес, Альбер Матез, Виктор Гюго, Ромен Роллан и другие определяли революцию конца XVIII в. как Великую французскую революцию. Но ни одному из них и никому из последующих поколений историков не приходило в голову назвать Июльскую буржуазную революцию 1830 г. великой. Значит между ними существуют какие-то существенные, глубокие различия. Можно ли это оспаривать?

Владимир Ильич Ленин всегда, и до Октябрьской революции 1917 г. и после нее, называл Французскую революцию XVIII в. великой. И он дал глубокое, многостороннее объяснение, почему он так ее называл. «Французская революция... — говорил Ленин в марте 1919 г., — называется великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру; тут и дежит одна из ее больших заслуг»<sup>8</sup>. По мнению Ленина, величие Французской революции было в том, что ей полностью были чужды дряблость, половинчатость, фразерство последующих буржуазных революций, что то была «деловая революция», т. е., революция действия, а не слов; ей была присуща смелость, твердость, непоколебимая решимость в достижении цели.

П. А. Кропоткин, как известно, был теоретиком анархизма и потому идейным противником Ленина. Но, быть может, глубже, чем кто-либо иной из современных ему историков, он сумел в своем известном труде (кстати сказать, также называвшемся «Великая французская революция»<sup>9</sup>) показать роль народных масс в революционном процессе. Не случайно поэтому, по предложению Ленина, его труд был издан впервые на русском языке в 1919 г. в кооперативном издательстве, так как в Государственном издательстве Кропоткин отказывался печатать свою книгу по принципиальным соображениям<sup>10</sup>.

Но не будем задерживаться на деталях.

Типологическое отличие Французской революции 1789 — 1794 гг. от Июльской революции, например, заключается прежде всего в том, что, будучи по своим объективным задачам и конечным результатам буржуазной, она благодаря активному участию в ней народных масс, наложивших свой отпечаток на все ее развитие, была в то же время и демократической, народной революцией.

Вот почему — и это следующий пункт моих научных расхождений с некоторыми французскими историками — мне трудно согласиться с осуществляемым некоторыми, в том числе весьма авторитетными учеными, искусственным расчленением революционного процесса на ряд самостоя-

<sup>8</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 52.

<sup>9</sup> Кропоткин П. А. Собрание сочинений. т. II. Великая французская революция 1789—1793. М., 1919.

<sup>10</sup> Первое, французское, издание книги Кропоткина вышло в Париже в 1909 г.

тельных, или автономных, революций. В качестве примера сошлюсь на работы таких крупнейших ученых — знатоков этой эпохи, как Жорж Лефевр и Эрнест Лабрусс.

Жорж Лефевр в своем известном труде, посвященном революционным событиям 1789—1794 гг., видит в них ряд революций; он отдельно рассматривает дворянскую революцию, буржуазную революцию, народную революцию, крестьянскую революцию<sup>11</sup>. Мой давний высокоуважаемый друг и один из самых крупных французских ученых, Эрнест Лабрусс, в своем обобщающем труде о революции также членит ее на ряд революций, исходя преимущественно из признаков правового, юридического порядка<sup>12</sup>.

Мне трудно согласиться с предлагаемым методом искусственного расчленения исторического процесса. Мне представляется, что такое расчленение насильственно разрывает живую ткань исторического процесса и затрудняет понимание всей сложности и противоречивости развития революции, какие ей были присущи в действительности.

Чтобы не быть ложно понятым, спешу оговориться, что сказанное отнюдь не исключает возможности и даже полезности исследования отдельных сторон революционного процесса: роли буржуазии, крестьянства, санкюлотов в революции. Это давно уже делается историками и это необходимо. Но не надо их рассматривать как самостоятельные или автономные революции, а лишь как составные части единого революционного процесса. В действительности, в реальной жизни ведь не было отдельных буржуазной или крестьянской революции; все классы и классовые группы, со всеми присущими им особыми классовыми интересами и задачами, действовали одновременно и были интегрированы, вовлечены в единый революционный процесс. Говоря иными словами, это значит, что социальные битвы 1789 — 1794 гг. следует рассматривать как одну и единую революцию — буржуазно-демократическую революцию, внутренние противоречия которой и толкали ее вперед.

Но возвращаясь к вопросу о типологической особенности Французской революции 1789 — 1794 гг., следует сказать, что именно благодаря указанным выше ее особенностям — решающей роли в ней народных масс, наложивших отпечаток на весь ее ход и тем самым обеспечивших ее развитие по восходящей линии, — именно благодаря им эта революция сумела разрешить основную задачу эпохи: разгромить феодализм, его институты, защищавшие его привилегированные сословия, его пережитки, разгромить с такой решимостью, последовательностью и полнотой, как ни одна из других известных в истории буржуазных революций. Тем самым было положено начало выполнению поставленной законами исторического развития главной задачи — перехода от одной формации к другой, от феодализма к капитализму.

В данной аудитории специалистов мне нет необходимости разъяснять, что этот переход, естественно, не мог быть однократным актом; весь XIX век и в Европе, и в странах Нового Света, частично и в Азии доделывал начатое Великой французской революцией XVIII в. дело.

Мне нет также надобности напоминать о том длительном и глубоком влиянии, которое оказали действенная сила, революционная смелость, передовая идеология первой французской революции на формирование национальных и демократических традиций французского народа, и далеко за пределами Франции — в Европе и на других континентах — на всю революционную, демократическую, национально-освободительную борьбу последующих поколений. Знаменитые лозунги «Свобода, Равенство, Братство», первоначально являвшиеся лозунгами передовой, революционной буржуазии, а затем широких народных масс, связывавших с ними неот-

<sup>11</sup> См.: *Lefebvre G. La Révolution française*. Paris, 1957, p. 107, 113, 137.

<sup>12</sup> *Labrousse E., Bouloiseau M. Le XVIII siècle*. Paris, 1963, p. 369, 404, 408, 428.

четливое стремление к иному, более справедливому социальному строю, были по своему общественному смыслу исторически прогрессивны.

Историкам не нужны ни апология революции, ни затушевывание ее внутренней противоречивости, ее слабых сторон. Но когда мы разрабатываем типологию буржуазных революций, мы не можем не сопоставлять отличительные черты первой французской революции с другими буржуазными революциями. Революция 1789—1794 г. всеми перечисленными ранее чертами была революцией европейского, мирового масштаба.

По всем своим отличительным признакам она стояла, конечно, неизмеримо выше Американской революции XVIII в., Июльской революции 1830 г., французской, германской, итальянской революций 1848 г. и других буржуазных и буржуазно-национальных революций.

Типологически сравнивая революцию 1789—1794 гг., ознаменовавшую исторически закономерный переход от феодализма к капитализму, со всеми иными буржуазными революциями и подходя к вопросу без всякой предвзятости, нельзя не видеть, что все попытки умалить или принизить значение этой революции находятся в противоречии с объективными данными исторической науки. Мне трудно понять, какими серьезными научными аргументами можно обосновать отказ Революции 1789 г. в праве именоваться Великой французской революцией.

Как известно, имеются немалые расхождения между историками по вопросу хронологических границ первой Французской революции. Спорят давно, и существует множество разных мнений. Напомню, что когда праздновалось впервые столетие 1789 года, то возникли споры, с какой даты начинать празднества — с 5 мая или с 14 июля 1789 г? Они были решены по-разному — власти начали празднества 5 мая, а социалисты, по предложению Лафарга, открыли учредительный конгресс II Интернационала 14 июля. Но есть и более крупные расхождения. Ряд историков предлагают датировать революцию 1770 годом. Иногда приходится слышать, что надо избегать схематизма. Это, конечно, верно. Но в то же время нельзя забывать, что всякая наука, и историческая наука в особенности, требует определенной систематизации и исследования детерминированности исторического процесса. Применительно к истории Франции, например, период 1770—1789 гг., с моей точки зрения, — это не начало революции, а ее предыстория, когда складываются ближайшие предпосылки революции; сама же революция начинается лишь 14 июля 1789 г., когда вступление в борьбу народных масс приводит к падению абсолютистского режима, а затем и господства привилегированных сословий.

В этой связи нельзя не отметить отчетливо обозначившуюся в последнее время у некоторых историков тенденцию взять под сомнение историческую закономерность либо самой революции в целом, либо отдельных ее этапов, и в особенности ее якобинского этапа.

Начало этому, как все помнят, было положено выступлениями Альфреда Коббена — «Миф французской революции»<sup>13</sup>. Коббену возражали Жорж Лефевр, Палмер и другие, и это освобождает меня от необходимости разбирать здесь по существу поднятые им вопросы.

Но стремление поставить под вопрос закономерность революции, ее неизбежность, ее необходимость присущи не только Коббену, но и некоторым другим авторам.

Порою приходится читать рассуждения о том, что революция скорее явилась результатом нагромождения ошибок Людовика XVI, чем исторической необходимостью. Будь представители старого порядка поумнее, проведи они вовремя некоторые реформы — и революция бы не произошла.

Посеяв сомнение в исторической закономерности революции, историки этого направления пытаются дискредитировать и последующее

<sup>13</sup> См.: Cobban A. Aspects of the French Revolution. London, 1968 (1-е изд. — 1955).

революционное творчество масс. Не удивительно, что главные критические стрелы направлены против якобинского этапа революции. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на упоминавшуюся уже книгу Фюре и Рише, на последние сочинения Ричарда Кобба. Как известно, историки марксистско-ленинского направления, как и большинство прогрессивных историков, всегда считали и продолжают считать и ныне якобинский период закономерным высшим этапом в восходящем развитии Французской революции. В изображении Ф. Фюре и Д. Рише якобинский период превращается в цепь каких-то случайностей и ошибок. Более того, по мнению названных авторов, якобинский этап революции вообще не имел под собой никакой почвы, и, пользуясь жаргоном автомобилистов-гонимых, они утверждают, что на якобинском этапе Францию «запесло» (*dégarage*), т. е. машину забросило дальше, чем это было нужно. Естественно, что при такой интерпретации и переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) должен представляться благотворным актом, избавившим страну от «произвола и насилия» крайних революционеров.

Эта, приобретшая своеобразную известность, позиция Фюре и Рише вызывает решительные возражения прежде всего потому, что она находится в прямом противоречии с общеизвестными науке фактами. Названные авторы странным образом игнорируют тот неоспоримый факт, что Французская революция должна была преодолевать яростное сопротивление внутренней и внешней контрреволюции. Они оставляют без внимания то решающее обстоятельство, что в 1793—1794 гг. революционная Франция должна была отбиваться от армии интервентов, от контрреволюционного похода государства феодально-монархической Европы, стремившихся силой штыков восстановить во Франции монархию и старый порядок. В этих условиях якобинская революционно-демократическая диктатура стала исторической необходимостью; только твердая, сильная власть якобинского революционного правительства могла обеспечить спасение Франции: сохранение ее национальной независимости и социальных завоеваний.

Английский историк Ричард Кобб, профессор Оксфордского университета, в свое время опубликовавший основанный на большом архивном материале двухтомный капитальный труд о «Революционной армии»<sup>14</sup>, пыне публикует произведение совсем иного сорта. Его внимание привлечено теперь не к тем историческим процессам, которые двигали общественное развитие вперед, не к героической борьбе французского народа 1792—1794 гг., а к коллекционированию действительных или мнимых фактов нарушения принципов гражданской благонадежности, разного рода эксцессов. Из представителя прогрессивной исторической науки Ричард Кобб превратился в ее открытого противника.

Я привел эти примеры лишь для того, чтобы показать, что привнесение в историческую науку откровенно политических мотивов не приводит и не может привести к плодотворным научным результатам. Тенденциозное, в духе «назад к Ипполиту Тэню», освещение высшего этапа Французской революции, изученного с такой глубиной и тщательностью Альбером Матъезом, Жоржем Лефевром и их продолжателями, не может стать сегодня предметом научных споров и дискуссий; это значило бы тянуть науку назад, к давно пройденному.

Но в проблематике якобинского этапа революции имеются вопросы, требующие дальнейшего изучения и остающиеся до сих пор нерешенными.

Никто не может, мне думается, отрицать, что за последние 20 лет изучение роли левых сил — трудами Альбера Собуля, Марка Булазю, Вальтера Маркова, Армандо Саитта, В. М. Далина, А. Р. Иоаннисяна

<sup>14</sup> Cobb R. Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements. Avril 1793 — floréal An II. Paris, v. I—II, 1960—1963.

и других исследователей — значительно продвинулось вперед. То, что во времена Маттеза — Лефевра оставалось еще «белыми пятнами», ныне задолжено конкретным историческим содержанием. Обогастилось и наше представление о внутренних противоречиях якобинской революционной власти, в какой-то мере предопределявших нарастание кризиса якобинизма.

Весьма возможно, что у нас, специалистов по истории революций, есть расхождения в определении классовой природы якобинской власти. С моей точки зрения, она выражала интересы блока определенных классовых сил: демократической буржуазии, крестьянства, городского плебейства, как говорим мы, или санкюлотерии, как говорят чаще французские историки. Некоторые историки определяют классовую природу якобинской власти, возможно, иначе, и этот вопрос может стать предметом научных дискуссий.

Но мне хотелось бы привлечь внимание моих коллег к иному вопросу. Если роль санкюлотов и левых сил в 1793—1794 гг. изучена ныне достаточно полно, то этого никак нельзя сказать о правых силах. Но ведь главной, решающей классовой силой, приведшей к термидору, была крупная, преимущественно новая, спекулятивная буржуазия и пошедшее за нею зажиточное крестьянство.

Именно поворот этих сил летом 1794 г. против Революционного правительства в конечном счете предопределил его падение.

Изучение этой проблемы, т. е. изучение во всех аспектах — экономическом, социальном, идеологическом — положения, эволюции и роли новой буржуазии и пошедшего за ней собственного крестьянства в свержении власти якобинского правительства, в перевороте 9 термидора составляет одну из важных нерешенных задач для историков Французской революции.

Есть немало и иных нерешенных конкретных вопросов, например, перераспределение собственности в 1793—1794 гг. и в послетермидорианские годы, процессы накопления крупных состояний (Уврар, Мерлен из Тионвилля, Траване и др.), экономическое развитие Франции в годы Директории и Консульства, внешняя политика якобинского правительства (у нас эти проблемы разрабатывал А. Л. Нарочницкий), внешняя политика Директории и многое другое. Есть немало нерешенных вопросов и идеологического порядка («Cercle Social», жирондисты, «последние монтаньяры» и др.). Этих вопросов много, и их нельзя здесь не только поставить, но даже и перечислить.

Но заключая свой доклад, к бегло перечисленным здесь задачам, стоящим перед нами, историками, я не могу не добавить еще одного более общего пожелания.

В последние годы в связи с общим ростом науки и в нашей науке, как и в других, возник ряд специальных новых отраслей, приобретших известную самостоятельность. Скажем, экономическая история, демографическая история, социальная история, история литературы определенного периода превратились в автономные, или даже независимые, научные дисциплины. Все это, конечно, очень хорошо и свидетельствует о росте науки в целом.

Мне хочется лишь заметить, что, как ни велико значение этих новых, ставших самостоятельными отраслями, наук, они выполняют по отношению к науке истории лишь вспомогательную, если угодно, подчиненную роль.

Все эти частные исследования, как и исследования в определенных локализованных региональных границах, будучи, несомненно, полезными, не избавляют историческую науку от обязанности обобщения всех этих конкретных данных и генерализации исторического процесса в целом. Говоря иными словами, это значит, что за богатством достигнутых частных, конкретно-исторических данных мы не должны упускать из

виду общего направления исторического развития, мы не должны отказываться от синтеза. Исторический синтез по-прежнему остается нашей высокой обязанностью.

Материалы к теме:

**А.Адо. Живое наследие Великой революции.**

Предисловие к серии книг к 200-летию

Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1>

«Эпоха Великой французской революции:

проблемы истории и историографии».

Межвуз. сб. науч. тр. (Чебоксары. 1989)

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/vfr-88.pdf>

**З.Чеканцева. Эпистемологическая природа**

«ревизионистской атаки» на «классическое» видение

Французской революции XVIII в.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz3.pdf>

**З.Чеканцева. Эпистемологическое обновление историописания**

и Французская революция XVIII в.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz2.pdf>

Маркс, марксизм, советские историки

и история Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94081604.htm>

**А.Гордон. Великая французская революция:**

метаморфозы нормативно-цивилизационной модели

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon2.pdf>

**В.Смирнов. Образ французской революции**

в пост-советской историографии

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/smirnov.pdf>

**В.Далин. О новых работах Ричарда Кобба**

[http://viveliberta.ucoz.ru/hist-sci/dalin\\_fe-73.pdf](http://viveliberta.ucoz.ru/hist-sci/dalin_fe-73.pdf)

**А.Гордон. Советские историки**

и «прогрессивные ученые» Запада

(история с Ричардом Коббом)

<http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2007.html>

**А.Собуль. Классическая историография французской революции.**

О нынешних спорах - в работе